

рон русского человека, в особенности интеллигента, но, негодая и порицая эти слабости и болея душой над случившейся российской катастрофой, он не порывал ни с русским гением, ни с русской судьбой.

Будущее России представлялось ему славным, могущественным, великим и духовно возрожденным.

В близость этого возрождения он глубоко верил.

Мне кажется, что мировоззрение и чаяния покойного и его отношение к историческим событиям, свидетелем и участником которых ему довелось быть, лучше всего могут быть охарактеризованы следующими фразами нашего национального историка Карамзина: «Настало время обнажить меч. Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные гением России: ибо гром их пробудил Ее спящую славу и народу униженному возвратил благородство духа».

В лице Семена Андреевича Хатаева осетины потеряли своего мужественного брата, Россия — верного и честного сына.

Мир его праху!

Дм. Тарасенков.

ЛЕВ ЗАКУТИН.

З а м е т к и

1. ОБ АНТИНОМИИ СВОБОДЫ И АВТОРИТЕТА.

Проблема сочетания (или, напротив, невозможности сочетания) свободы и авторитета — едва ли не центральная для демократов. Да и вообще, это — злоба дня.

Однако, для плодотворности обсуждения требуется максимальная ясность в выражениях и формулировках. В антиномии свобода — авторитет, прежде всего, двусмысленен второй термин. О каком авторитете идет речь: о всяком ли? Нет, конечно; не о всяком. Разве, например, члены Французской Академии, выдающиеся представители искусства и знания, или просто общепризнанные «знатоки» или «законодатели мод» в какой-нибудь области, или наиболее серьезные газеты, и т. д. — не пользуются авторитетом в демократической Франции? И уменьшался ли их престиж во времена «распуцкности» при правительстве Народного Фронта? Вовсе нет.

Очевидно, дело касается не всякого авторитета, а авторитета особого рода — принудительного; или, короче — принуждения. Тогда антиномия станет еще явнее, и проблема покажется действительно безнадежной.

Ведь свобода — свобода в социальном плане — есть отсутствие принуждения, а принуждение — отсутствие свободы. Как же их сочетать? — Невозможно. Надо выбирать... *Faites votre jeux.*

messieurs! И вот, один берется за дубину, другой за зонтик (зонтик стал чем-то проде символа демократии).. И пошла потеха...

Но можно ли сделать такой выбор до конца? Нет, нельзя. Жизнь не позволяет. Жизнь игнорирует наши антиномии, потому что жизнь сама — антиномия. «Жизнь соткана из противоречий». Что может быть банальнее этой истины? Отсутствие здоровья есть болезнь; отсутствие болезни — здоровье. Но ни того, ни другого не выкинуть из жизни человечества (ни жизни человеческой). Возможны лишь комбинации различных степеней. А вот, пример из области социально-экономической. Регламентация (напр., торговли) исключает свободу конкуренции, а свободная конкуренция исключает регламентацию. Но оказывается: если — совсем без регламентации, то конкуренция приводит к монополии наиболее сильного, а монополия есть уничтожение конкуренции. Для спасения конкуренции необходимо ее ограничить. Немыслимо полное отсутствие свободы или полное отсутствие принуждения.

Какая-то степень свободы есть и в самых авторитарных государствах. Какая-то степень принуждения — в самых «распущенных» (демократиях). Иначе — гибель государственного организма. Так, Речь Посполитая погибла (как самостоятельное государство) от чрезмерной шляхетской распущенности, а Римская Империя — от чрезмерной авторитарности. Когда понадобилось защищать Римскую Империю от варваров, ее народы предпочли новую власть старому гнету — особенно финансовому.

Практически вопрос ставится о распределении, количественном и качественном, свободы и принуждения.

Напрасно думать, что авторитарные режимы не знают своих проблем, связанных с антиномией свободы и принуждения: проблемы эти иначе выглядят и по-иному ставятся, но суть — все та же. Концлагеря, сильнейший политический террор, наконец, не исключены и кровавые конвульсии — вот то, что, по сути, является авторитарным эквивалентом демократических смен кабинета, выборов, многопартийной пропаганды и прочих ужасов.

Здесь нет возможности распространяться о том, что действительно, в какой-то степени, каждый участвует в осуществлении власти, как и каждому в чем-то приходится подчиняться. Но степени властвования и подчинения колеблются — от нуля до бесконечности (никогда не достигая ни нуля, ни бесконечности). И практически важно всегда — в данную эпоху, для данного народа, при данной культуре и т. д. — найти некое равновесие, количественное и качественное, в распределении свободы и принуждения, власти и подчиненности. Ибо государство (или государственная власть) не есть «вещь в себе», а лишь формирующее начало общества.

В процессе реализации свободы нет единой, неизменной схемы. Поэтому нет и не может быть единого демократического эталона. В частности, можно отметить две сильно различающиеся между собой разновидности современной демократии: англо-саксонскую и французскую. Не заказаны творческие попытки и для нахождения третьей, какой-нибудь новой формы... Отметим сразу же, что сейчас по-новому ставится проблема монархии. Вместо традиционного взгля-

да на монархию, как на тормаз прогресса, начинают видеть в ней защитницу свобод и самых основных прав человека. Да и практика показывает, что лучше всего и спокойнее всего живется сейчас народам, все же, под сенью трона.

В конечном счете, демократия есть степень свободы — или степень ее осуществления. А какая степень — ни на аршины, ни на фунты не измерить. Если демократию определить, как некую степень свободы, падают многие затруднения. Беда, когда свободу хотят абсолютизировать. Вот, например, практика сегодняшних «*pleins pouvoirs*»:

- а) дискреционная власть правительства;
- в) твердость в осуществлении поставленных целей;
- с) отсутствие боязни брать инициативу с отчетом *post factum*.

Если же свободы слишком много, — получается распушенность, анархия — и диктатура сильнейшего. Диктатура всегда приходит на смену чрезмерной распушенности. Примеры: Италия, веймарская Германия, Россия Временного Правительства, Испания и т. д. Затем начинается подтачивание диктатуры, борьба за расширение свободы, которая воспринимается, как борьба за свободу и т. д.

2. ОБ АВТОНОМИЗМАХ И СЕПАРАТИЗМАХ.

Последние события в Центральной Европе по-новому освещают вопрос об автономизмах и сепаратизмах, т. е. о судьбе малых народов и о сожигательстве нескольких народностей в одном государстве.

Для России проблема эта имеет сугубое значение, хотя вопрос об Украине сейчас, как будто (но только временно), снят с очереди.

Скажем сразу: об автономиях, о культурных и бытовых, правовых, языковых, вероисповедных и т. д. особенностях тех или иных частей великого Российского Государства можно и должно говорить; вопрос же сепаратизмов разрешается силой, и только силой. Довольно болтовни о «священных правах» на «самоопределение вплоть до отделения». Практика показала, что «самоопределение» и отделение теперь — вопрос внешней политики, а не внутренней. И это *tout de suite* меняет его трактовку. Во-вне нет разделения на общество и государство и тяжбы между ними, а есть единый национально-исторический организм: нация.

Лев Закутин.